

УДК 355.48(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622
М17

Максимов, Анатолий Борисович.
М17 Перемирие между СССР и Третьим рейхом, или «Мценская инициатива» Сталина / Анатолий Максимов. — Москва : Алгоритм, 2016. — 256 с. — (Тайны военной истории).

ISBN 978-5-906842-49-7

До недавнего времени информация о предполагаемых переговорах руководства СССР с верхушкой Третьего рейха относительно перемирия в феврале 1942 года была недоступна. Автор книги решил разработать эту «проблемную тему», задавшись не столько вопросом о факте переговоров, сколько выяснением цели распространения информации об их подготовке и проведении, обстоятельств «Мценской инициативы» Сталина, прологом к которой стала знаменитая операция спецслужб «Снег».

В ходе блестяще проведенной операции «Снег» была отведена угроза ведения войны на два фронта: Япония ввязалась в заранее проигранную войну с США на Тихом океане, а части Красной армии и военную технику с Дальнего Востока перебросили на защиту столицы.

Провал «блицкрига» под Москвой в декабре 1941 г. заставил союзников пересмотреть свое отношение к гитлеровскому «походу на Восток». Но до открытия Второго фронта было еще очень далеко, возможно, его бы вообще не открыли, если бы не «Мценская инициатива» Сталина...

УДК 355.48(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-906842-49-7

© Максим А.Б., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Максимов Анатолий Борисович

**ПЕРЕМИРИЕ МЕЖДУ СССР И ТРЕТЬИМ РЕЙХОМ,
или «МЦЕНСКАЯ ИНИЦИАТИВА» СТАЛИНА**

Редактор *Н. Мезина*

Художественный редактор *Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.02.2016.

Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906842-49-7

9 785906 842497 >

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
Предисловие. Наследие старого разведчика	13
Введение. За фашизм и войну отвечает Запад	26
«Сильные мира сего» поставили на Гитлера	28
Политика изоляции Советской России	33
Пакт «Молотова — Риббентропа»	38
Восточный фронт Германии	45
Глава 1. Истоки тайного мастерства	56
Становление России	56
Стратегические операции	67
Акции влияния	70
Глава 2. Знать, предвидеть, упреждать	74
В преддверии войны	74
Традиционные противники России	86
Проникновение в планы агрессора	100
Глава 3. Один на один с агрессором	116
Трудное начало войны	116
Враги и временные союзники	126
Неустойчивые союзники	135
Глава 4. «Инициатива» задана войной	146
«Блицкриг», «первый реванш», «переговоры»	146
Глава 5. «Ключ» к вскрытию секретов	202
Заключение. Дезинформация — это искусство	227
Послесловие.	
В цепи традиций — «Мценская инициатива»	235
Список сокращений	247
Литература	250
Об авторе	255

ОТ АВТОРА

Целесообразность — это сила, которая превращает возможность в действительность.

Аристотель, древнегреческий философ

Уже заканчивалось второе десятилетие моей работы в уникальном учебном заведении по подготовке молодых разведчиков. Казалось бы, в тот день в декабре 2002 года очередная лекция по теме «разведка госбезопасности в годы Великой Отечественной войны» не предвещала ничего необычного. И пять минут, отведенные на вопросы слушателей, амфитеатром сидящих передо мной, ожидалась мной с долей нетерпения — это была хорошая возможность расставить акценты в только что освещенной теме.

Однако случилось так, что вопрос чуть ли не впервые поставил меня в тупик, ибо слушатель затронул сверхщепетильный аспект в отношениях двух воевавших держав — Советской России и фашистской Германии, причем он касался поведения непосредственно их лидеров — Сталина и Гитлера:

— Только что вышел двухтомник «Генералиссимус» военного историка, ветерана войны и Героя Советского Союза Владимира Карпова... — сказал слушатель-первокурсник. — В одной из глав он говорит об инициативе Сталина, предложившего Германии перемирие... Это случилось в феврале 1942 года... С участием разведки госбезопасности?

И слушатель спросил:

— Писатель Карпов — весьма уважаемая личность, но почему именно он первым открыто упомянул об этом факте?

Для меня вопрос прозвучал неожиданно. И хотя я знал кое-что о якобы проводившихся переговорах с германской стороной в начальный период войны, фактическим материалом не располагал.

Не в моих правилах было уходить от ответа, но не был я и «сухим начетчиком» в «щепетильных вопросах» советской истории и случаев из жизни разведки.

— Я еще раз полистаю книгу и подумаю над версией Карпова по этому вопросу. И к следующей лекции постараюсь подготовиться к обсуждению, хотя бы вкратце... — коротко пообещал я.

Конечно, через несколько дней, еще раз погнав мысль с загадочной версией Героя — фронтового разведчика, я попробовал изложить его мнение на это событие и прокомментировал свое видение проблемы...

В том, что это «проблемная тема», я не сомневался и потому высказал предположение лишь по одной стороне вопроса: если факт имел место, то это была дезинформационная акция с нашей стороны. Причем в адрес верхушки гитлеровского Третьего рейха.

Как мне представлялось, слушатели ответом удовлетворились, хотя в перерыве последовал еще один вопрос: цель дезинформации?

Опыт дезинформационной работы на ниве разведки у меня был, ибо не один год я провел в стенах подразделения разведки, занятого акциями тайного влияния в рамках традиций еще с двадцатых годов прошлого века. Да и опыт личного длительного оперативного «общения» с западной спецслужбой у меня также имелся.

Но и слушатели, и фронтовой разведчик, казалось бы, заронили в мою душу «любителя распутывать сложные узоры истории» сомнение. Но особенно душа начала «страдать», когда в руках у меня оказалось «наследие Старого Чекиста-Разведчика» в виде пометок на листке. Позднее эти пометки заставили меня сформулировать цель «распутывания».

Во-первых, «был ли мальчик?» — был ли факт переговоров либо это только слух-миф о них?

Во-вторых, их направленность: то ли в отношении германской стороны, то ли наших союзников?

В-третьих, как факт этих переговоров мог сказаться на моральном аспекте в отношении антифашизма Советской России, как это могли воспринять наши союзники по антигитлеровской коалиции?

И вот прошло почти десятилетие, за время которого была подготовлена объемная рукопись по истории мастерства российской разведки за тысячу лет становления Отечества и превращения в Великую Державу. Другая — более полно раскрыла работу Отчественной разведки в предвоенный период, в канун и в годы войны. Причем в обеих рукописях вопрос «переговоров с германской стороной в 1942 году» нашел некоторое отражение... на уровне версии.

Правда, там лишь шла констатация факта, а не глубокое обоснование этого столь загадочного случая, в котором советская сторона и лично И. В. Сталин, казалось бы, выглядели не в лучшем свете. Но Сталин поручил вести переговоры разведке госбезопасности, а это уже по моему «профилю».

Так случилось, что для меня наступило новое беспокойное время погружения в очередное «расследование» с целью понять истоки действий всех занятых в войне сторон и на их основе осмыслить «факт переговоров о перемирии».

Зачем? Чтобы попытаться разобраться, что происходило в германско-советском противостоянии в 1942 году: до переговоров в феврале, в момент их проведения, после них — в последующее время войны. И еще потому, что за это время я потерял коллегу, единомышленника в вопросах истории разведки и друга по жизненному пути — Старого Чекиста-Разведчика. Именно его листок с пометками о «переговорах о перемирии» основательно (как он и предсказал в последние дни своей жизни) растревожил мою душу...

Все мы родом из детства, но для поколения автора — в детстве была война...

Не потому ли для автора, ставшего профессиональным военным, события военного детства навсегда завладели всем его сознанием и прошли «красной нитью» в его профессиональной судьбе — флотского офицера, военного контрразведчика и разведчика.

Говоря о разных явлениях в жизни автора, правильно было бы акцентировать внимание на судьбе его выбора, столь свойственного для мятущихся натур его поколения.

И действительно, автору, сыну геолога и учительницы, с раннего детства пришлось познать жизнь на Кавказе

и Украине, на Севере Уральских гор с тайгой и тундрой. За годы окончания десятилетки Подмосковье подарило автору Юношескую спортивную школу и аэроклуб, а замечательный город на Неве приобщил к истории Государства Российского в бытность его пятилетнего пребывания в военно-морском училище инженеров оружия.

...Случилось так, что многолетняя работа в разведке завершилась в ее оперативной части с переходом в когорту тех, кто готовил будущих разведчиков. И здесь выбор автора, после выхода в запас, в конечном счете пал на преподавание истории разведки госбезопасности. Ему удалось увлечься тысячелетней историей этой службы: было подобрано, изучено и описано около трехсот событий из жизни разведки за время выхода Руси и России, Российской империи и Советской России на международную арену.

Кроме специзданий «по теме», автор вышел на книжный простор страны, и к 2010 году в арсенале его рукописей оказалась целая серия из десяти книг в рубрике «Записки чернорабочего разведки». И среди них — «Разведка Великой Отечественной».

Казалось бы, почему столь большое внимание у автора к работе разведки в годы войны? Потому, что автор с семилетнего возраста впитывал в себя все, что связано с войной. Шла война, и эхо ее звучит в душе автора по сей день нескончаемым потоком воспоминаний. Тем более что подзаголовком к этой рукописи стало: «Нетрадиционный взгляд на мастерство разведки советской госбезопасности». И хотя бы потому, что это был взгляд не с позиции «разведка и война», а с акцентом «война и разведка», и, значит, на полях шестисотстраничной рукописи нашла широкое освещение ее военная составляющая.

Вроде бы эта объемная рукопись истощила писательские силы автора, но... не освободила автора от чувства беспокоившей его неудовлетворенности. Ибо за рамками последней рукописи осталась некая недосказанность об одной чрезвычайно таинственной акции советской стороны — *попытке в начальном периоде войны вести переговоры с Германией о перемирии.*

Во время работы над рукописью по военному периоду истории разведки автора стала преследовать мысль, которую высказал еще в VI веке до н. э. китайский полководец в сво-

ем военном трактате: «Умный найдет выход из экстремальной ситуации, а мудрый не допустит ее». Это была реакция на извечный вопрос: почему германские войска оказались у стен Москвы? И потом — вот эти переговоры?!

Однако, освободившись от забот с последней рукописью, автор понял, что она так и не удовлетворила его любопытство в указанном вопросе. Но она подвигла его разобраться с мыслью военного теоретика Никколо Макиавелли: *«Ничто не делает полководца более великим, как проникновение в замыслы противника»*. Ибо в то трагическое военное время у нашего Отечества были и враги, и весьма неустойчивые временные союзники — они же постоянные противники не только Советской России, но российской государственности как таковой.

Советская сторона не заблуждалась в предвоенные годы, в канун и с началом гитлеровской агрессии, когда Россия истекала кровью: Отечество не имело настоящих союзников. И мы должны были бы ценить всех, кто протягивал нам руку помощи либо просто был на нашей стороне.

И мы ценили, и значит, само понятие *«переговоры о перемирии с Германией в начале 1942 года по инициативе И. В. Сталина»* (Владимир Карпов), казалось бы, должно было встретить у автора сильнейшее неприятие даже мысли об этом факте. Но так было до тех пор, пока...

Впрочем, все по порядку.

А порядок был таков. Из сотен удачных и ярких своей полезностью Отечеству действий во время войны автор остановил свое внимание на трех моментах: во-первых, «блицкриг» германской военщины не состоялся, ибо помешала Красная армия; во-вторых, победная Битва за Москву, и мир воспрянул духом: фашистов можно бить; и в-третьих, переговоры о перемирии с Германией.

За время работы над рукописью мысль автора многократно возвращалась к весьма высокой оценке совершенного Красной армией, военным командованием, руководством страны и советским народом в Битве за Москву: это был *«первый реванш»* для всех стран, воевавших против Германии. Но если с провалом «блицкрига» и «первым реваншем» все было достаточно ясно, то сам факт возможности переговоров наводил на размышления в связи с отсутствием сопутствующих им подробностей.

«Первый реванш» способствовал расширению антигитлеровской коалиции и росту движения Сопротивления в странах, страдающих под сапогом гитлеровского солдата. В тылу немецких войск на временно оккупированной советской территории все сильнее бушевал огонь народного гнева. Однако...

Война — явление столь многогранное, что каждый из ее участников видит события из «своего окопа»: глава государства и древнекитайский мыслитель, советский маршал и разведчик, историки спецслужбы и гитлеровский министр. Отрывочно их взгляды на войну выглядят так: «следить, чтобы не пошли с Гитлером», «это не просто победа», «хорошо работающая разведка», «информация стратегического значения», «достаточно для его отражения», «война проиграна».

Не раз я вчитывался в тексты карточек с афоризмами мыслителей, философов, военных, разведчиков, политиков. И, конечно, перед глазами была столь значимая своей глубиной мысль Конфуция, древнекитайского мыслителя из VI века до н. э.:

«Находясь перед угрозой вражеского вторжения, следует прибегнуть к обману, которого может оказаться вполне достаточно для его отражения».

Но истинное понимание этой мысли автор начал осознавать, лишь когда она была воспринята в триаде — «блицкриг», «первый реванш» и «переговоры». Фактически откуда-то из глубины души пришла попытка констатации того факта, что указанная «триада» выглядит своеобразным «военно-политическим айсбергом Мировой войны». Итак, «блицкриг» и «реванш» — эти два явления войны поддаются количественному и качественному обсчету. А вот «переговоры»?!

Еще раньше автор рискнул углубиться в историю нашего Отечества — Руси и России, Российской империи и Советской России. Это означало, что далекое и не столь давнее прошлое должно было подсказать ответ на недавнее настоящее из жизни страны в годы Великой Отечественной войны, причем в его трех ипостасях — политической, экономической и военной.

И помогла мне в этом замечательная личность — мой многолетний спутник по волнам истории нашего Отечества и ее славной составляющей — истории разведки госбезопасности.

Приходилось прояснять то, что часто искажалось, а временами подвергалось сознательной лжи недоброжелателями и недобросовестными обладателями пера. Приходилось при этом искать общие заветы, характерные для разведчиков всех поколений разведывательного труда — русского, российско-го и советского.

Благодаря встрече в это время со Старым Чекистом-Разведчиком автор встал на тропу вселения в души будущих разведчиков бесконечно верной мысли: они продолжатели дела всех прапраразведчиков на пользу тысячелетней Российской государственности.

Это время было богато общением с коллегами, часто неординарными в нашей профессии. Но эта встреча...

Примечание. Как это уже не раз случалось, «запальным устройством» для автора в его очередном увлечении «с пером и бумагой» становились весьма скудные сведения. Так и эту рукопись он затеял, имея всего несколько интригующих намеков на «таинственные переговоры о перемирии».

Растревожили его душу по этой «проблеме» писатель-фронтовик Владимир Карпов и вопрос слушателя на лекции, а окончательно вовлекла в «тему» записка-призыв поработать над ней Старого Чекиста-Разведчика.

Ну не мог автор противиться мысли Николая Коперника: «Живому уму достаточно немного увидеть и услышать, для того чтобы потом долго рассуждать и многое понять». Ведь этот призыв преследует автора с глубокого детства — со школы, военно-морского училища, спецкурсов госбезопасности, при работе в контрразведке, разведке, в учебном заведении службы...

ПРЕДИСЛОВИЕ. НАСЛЕДИЕ СТАРОГО РАЗВЕДЧИКА

Средоточием нравственности является долг.

*В. А. Сухомлинский,
русский и советский педагог*

Еще не притупилась боль от потери Советской Родины, и автор не смог вывести свою растревоженную душу из лабиринтов заблуждений разливающейся мутным потоком псевдодемократии. Судьба оказалась в это щемящее безысходностью время снова добра к автору — удалось увлечься историей отечественной разведки на фоне исторических событий Государства Российского за тысячу лет. И только с годами, когда мутная волна разорения нашего Отечества под лозунгом «приобщения к западным демократиям» замедлилась, стал понятен тот факт, что для автора углубление в историю его профессии разведчика явилось спасительной миссией.

На этом пути длиной в полтора десятка лет работа над историей разведки не раз приносила личные открытия, которые согревали душу своей полезностью в оценке особенностей событий из разных периодов существования Государства Российского. На этом фоне значимым явлением стала попытка проникновения в глубины жизни разведки в годы Великой Отечественной войны, в один из наиболее трагических периодов нашей истории.

Когда готовилась рукопись по тысячелетней истории российской разведки, не так-то легко было решиться выйти в свет с новой трактовкой истории русской, российской и советской разведки. И все же, почему нужно высказаться и обосновать новое видение жизни отечественной разведки под углом зрения: история разведки госбезопасности в свете становления ее мастерства в X—XX веках?

Как это случается, активная профессиональная работа заканчивается, и тогда встает вопрос о месте приложения накопившегося опыта сотрудником спецслужбы в новых условиях. Довольно часто профессионала в чем-либо судьба приводит на преподавательское поприще. Цепочка занятий «профи

— преподаватель — занятие историей» выглядит естественной связью поколений на службе Отечеству. На определенном этапе трудовой жизни профессионал становится частью истории службы — крохотной каплей либо искрой?! В чем связь? Во времени — через людей. А в разведке — через разведчиков, агентов, операции. А это — факты, эпизоды, события...

Судьба преподавателя привела автора к работе с историей разведки далеко не случайно. Он пришел на службу во флот в начале пятидесятых и позднее в органы госбезопасности. В начале тревожных девяностых произошла встреча двух поколений, которая определила окунание автора не только в атмосферу истории разведки, но в тысячелетнюю историю Государства Российского. В конечном счете появились рукописи, последняя из которых — о разведке на войне.

Именно — «через людей»... На стыке двух столетий — XIX и XX — русский историк Дмитрий Харитонович так оценил роль людей в истории:

«В реальности существуют люди... Нет политической истории, есть история людей. Нет экономической истории, есть история людей, что-то производящих и обменивающих. Нет истории городов, есть история горожан...».

И в рукописи о разведке на войне затронуты судьбы более шестидесяти разведчиков в свете их профессиональной полезности интересам Отечества. И кто-то из них оказался доверенным первым лицом в государстве — Сталина — в его тайном контакте с германской стороной... в переломный момент после успешной Битвы за Москву?!

Благодаря встрече в это время с неординарной личностью Старого Чекиста-Разведчика, автор встал на тропу поиска нетрадиционных взглядов на мастерство разведки советской госбезопасности. А углубление в историю страны военного периода подвигло автора взглянуть на ее работу в рамках «война как фон работы разведки в тесном контакте с усилиями дипломатии в помощь военным действиям».

Во-первых, автор исходит из положения, что Советский Союз — это один из периодов существования Государства Российского с его убедительной историей становления в Великую Державу: от Руси и России до Российской империи и Советской России.

Во-вторых, истоки Второй мировой войны зародились после окончания Первой мировой, и советская сторона отслеживала, вскрывала и противостояла ее подготовке и участию в ней Запада на всем предвоенном пространстве, в канун германской агрессии и в ходе ее отражения.

В-третьих, предлагается рассматривать деятельность советской стороны и ее разведки в военные годы через призму нескольких общих, но устойчивых признаков, характерных для оценки степени помощи в организации военных действий на советско-германском фронте и отношений с союзниками по антигитлеровской коалиции.

В-четвертых, автор заостряет внимание на «триаде» событий — провале германского «*блицкрига*», поражении немцев под Москвой как факторе «*первого реванша*» в Мировой войне и загадочных «*переговорах*» с Германией о перемирии в начале сорок второго года.

Анализируя «триаду» событий, автор пытается показать, что в контактах советской стороны с германской решалась задача с целью укрепления антигитлеровской коалиции и придания ей необратимого характера в условиях последующих событий по ликвидации фашистского государства.

Именно такой подход позволил широко обсудить со Старым Разведчиком военную составляющую диады «война и разведка».

...Одним из первых электропоездов я доехал до платформы «Сенеж», что по ленинградскому направлению. Через полминуты ноги уже сами несли меня по залитой утренним солнцем песчаной проселочной дороге к белевшим крышами в километре от станции дачными участкам.

Дорога бежала чуть вниз вдоль кромки леса и делала на своем пути два поворота, от одного из которых открывалась даль пшеничного поля, упирившегося в лесной массив с прожилками березовых и сосновых стволов. В глубине поля, в его дальнем углу, чуть-чуть виднелся неровной конфигурацией крыши дом, приземисто сидевшего на земле. Его украшала массивная кирпичная труба.

Уже не раз этот дом властно привлекал своей одинокой таинственностью. И потому думалось, что необычность поло-

жения дома, вернее всего, несет в себе и необычную судьбу и его появления, и его обитателей, рискнувших хотя бы ненадолго оторваться от «цивилизованного мира шести соток».

И вот однажды я оказался у ворот этого привлекательно-го дома. Затем была мимолетная сценка общения незнакомых друг другу людей, которая за считанные секунды настроила их на волну доброго душевного спокойствия. И как-то само собой хозяин — Старик увлек меня к грубо сработанной бревенчатой избе, к резному крыльцу.

Присмотревшись, я узрел перед собой крепко скроенного, среднего роста, с весьма легкой для его лет походкой и скупыми жестами, уверенного в себе человека. Его просторная одежда, как я теперь обратил внимание, — хорошо постиранная роба флотского покроя — выцвела почти до белизны, и лишь местами просматривался ее первоначальный синий цвет.

«Ого, — подумал я, — парень-то из флотских». И сразу же пришло в голову: уж не моя ли тельняшка так расположила его ко мне? Как стало ясно позднее — и она тоже.

Поле бугром уходило в сторону наших дач, за которыми гребенками перемежались с полями колки березовых роц. И над всем этим — низко сидящее солнце, уже не такое жаркое и яркое. И густая тишина, не нарушаемая даже уходящими в сон птицами.

И вот мы у резного крыльца. Старик жестом пригласил присесть на ступени, которые были до блеска вымыты, как говорят во флоте: «надраены торцом с песком».

— Уж не по-флотски ли вы драите палубу своего «корабля-избы»?

— Точно. С песочком... — охотно откликнулся Старик. — Это у меня еще с флотской службы... лет сто назад.

Так, двумя-тремя вопросами, опираясь лишь на три синие полоски моей тельняшки в вырезе ковбойки, Старик пригласил меня к разговору о моем и затем о его прошлом. Это был наш русский человек с его добрым отношением к людям и, как я понял позднее, добросовестным отношением к делу, за какое бы он ни брался. Смеркалось, а уходить не хотелось. Два далеко не молодых человека думали каждый свою думу. Мне представлялось, что вот так он, возможно, привечает прохожих, а может, и нет. Но его искренность в общении и сиюминутная доброта говорили о чем-то неординарном в этом явно

сильном характере, особенности души которого хранились где-то глубоко и потаенно.

Мы встали и двинулись к воротам, молча и спокойно, как уходят люди, давно знающие друг друга. Мы насытились этим коротким гостеприимством и вели себя как люди, понимающие друг друга без слов.

Я пожал Старику руку, получил в ответ крепкое рукопожатие и короткое: «Василий Михайлович». Всмотриваясь в загорелое русское лицо нового знакомого, я с удовольствием ответил: «Анатолий Борисович». И больше ничего — ни слова, ни жеста. И так было ясно — мы понравились друг другу.

Казалось бы, и двадцати слов не было сказано, но меня влекло к Старику, к его уверенной в себе крепости духа, столь малозаметной пока. Его личность точно завораживала меня. Чуть ли не все дни после первого визита я перебирал в памяти скупые впечатления об этом неожиданно появившемся в поле моего зрения человеке.

Профессиональная привычка из малых сведений о человеке пытаться прогнозировать его «портрет» не давала мне покоя. Итак, он — из флотских, возможно — офицер. На вид ему лет семьдесят — можно выстроить биографию, если исходить из его года рождения, например, 1922... Но как же быть с краснофлотцем? В канун войны ему было бы всего семнадцать лет? Значит, ему семьдесят три — семьдесят пять. Тогда он мог еще до войны начать служить, года с тридцать восьмого... На большее у меня фантазии не хватало.

И случилось так, что однажды, еще до полудня, я оказался у решетчатых ворот усадьбы Василия Михайловича. И через несколько минут мы крепко пожимали друг другу руки. Взяв под локоть, он повел меня куда-то вокруг избы. Там, скрытая со стороны поля оградой, а от ворот — избой, в углу усадьбы уютилась беседка, опять же из бревен, бурно обвитых диким виноградом.

Молча хозяин подвел меня ко входу в беседку и, пропустив вперед, помог проникнуть в затененный листьями полумрак своеобразного кабинета — другого названия этому месту невозможно было дать: массивная, натурального темно-коричневого цвета сосновая столешница, ручной работы грубо сделанные массивные стулья, в двух из четырех сторон низкие крепко скроенные полки-стеллажи, приставной столик с печатной машинкой и широкая лавка все из той же тем-